

**ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ
И СТРАТЕГИИ ОБРАЗОВАНИЯ:
ПУТИ ИНТЕГРАЦИИ**

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОРДОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
ИНСТИТУТ ИМЕНИ М. Е. ЕВСЕВЬЕВА»

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ И СТРАТЕГИИ ОБРАЗОВАНИЯ: ПУТИ ИНТЕГРАЦИИ

Материалы IV Международной научно-практической конференции –
Надькинских чтений,
посвященной 80-летию со дня рождения Д. Т. Надькина
г. Саранск, 7–8 октября 2014 г.

САРАНСК 2015

УДК 80 (082)
ББК 80
Г 945

Редакционная коллегия:

Е. П. Прокаева, канд. филол. наук, доцент кафедры мордовских языков Мордовского государственного педагогического института имени М. Е. Евсевьева (отв. ред.); **М. И. Савостьякина**, канд. филол. наук, доцент кафедры мордовских языков Мордовского государственного педагогического института имени М. Е. Евсевьева; **Н. И. Рузанин**, канд. филол. наук, доцент кафедры мордовских языков Мордовского государственного педагогического института имени М. Е. Евсевьева

Рецензенты:

О. Е. Поляков, д-р филол. наук, проф. кафедры мокшанского языка Мордовского государственного университета имени Н. П. Огарева;
кафедра гуманитарного образования Мордовского республиканского института образования (зав. кафедрой канд. филол. наук О. В. Кочеваткина)

Печатается по решению редакционно-издательского совета Мордовского государственного педагогического института имени М. Е. Евсевьева

«Гуманитарные науки и стратегии образования: пути интеграции», IV Международная научно-практическая конференция (Саранск). IV Международная научно-практическая конференция – Надькинские чтения, 7–8 окт. 2014 г. : [материалы] / редкол.: Е. П. Прокаева (отв. ред.) [и др.] ; Мордов. гос. пед. ин-т. – Саранск, 2015. – 232 с.

ISBN 978-5-8156-0720-0

Материалы сборника отражают актуальные проблемы изучения гуманитарных дисциплин, а также теории и методики их обучения.

Издание представляет интерес для научных работников, преподавателей высшей и средней общеобразовательной школы, аспирантов, менеджеров системы образования.

УДК 80 (082)
ББК 80

ISBN 978-5-8156-0720-0

© ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный педагогический институт имени М. Е. Евсевьева», 2015
© Авторский коллектив, 2015

ПРЕДИСЛОВИЕ

7–8 октября 2014 года на базе ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный педагогический институт имени М. Е. Евсевьева» состоялась IV Международная научно-практическая конференция «Гуманитарные науки и стратегии образования: пути интеграции», посвященная 80-летию со дня рождения Д. Т. Надькина.

Конференция, ставшая традиционной, посвящена известному ученому-филологу Дмитрию Тимофеевичу Надькину, который внес значительный вклад в развитие мордовского языкознания.

Целью конференции являлось обсуждение актуальных проблем современного гуманитарного образования, выявление механизмов реализации основных направлений взаимодействия культуры, истории и литературы в теории и практике филологического образования, укрепление профессиональных связей научной обществ, занимающихся проблемами развития гуманитарных наук. Проведение мероприятия международного уровня продиктовано современными тенденциями развития высшего образования: выявление талантливейшей молодежи, формирование и развитие имиджа социально успешного и творчески активного исследователя.

В конференции приняли участие ученые, преподаватели, аспиранты, соискатели, студенты ведущих вузов из различных городов Российской Федерации и стран ближнего и дальнего зарубежья, а также учителя и учащиеся общеобразовательных школ города Саранска и Республики Мордовия.

Работа конференции проходила в рамках 12 секций. В ходе конференции был обсужден широкий спектр научных, научно-методологических и методических проблем. Среди них наиболее значимыми были следующие: современное состояние русского и родного (мокшанского, эрыянского) языков (семантика, грамматика, функционирование); актуальные проблемы культуры речи; формирование средствами вузовской методики аналитических умений и навыков студентов педагогического вуза в области лингвистики и литературоведения; культурологический аспект подготовки будущего учителя русского языка и литературы, родного языка и литературы; формирование лингвистической и коммуникативной компетенции учащихся и студентов; проведение этнолингвистической работы на уроках русского и родного (мокшанского, эрыянского) языков в школе.

На конференции были созданы ученические и студенческие секции: «Первые шаги в науку III тысячелетия», «Текст в аспекте лингвистического и лингводидактического исследования», «Актуальные проблемы изучения родного языка в поликультурном образовательном пространстве».

На основе научного анализа проблем современного образования, преподавания русского и родного языков и литературы в интегративном аспекте участниками конференции выработан комплекс рекомендаций как научного, так и методического характера.

СУФФИКСАЛЬНОЕ СЛОВОПРОИЗВОДСТВО КАК ПРОДУКТИВНЫЙ СПОСОБ ОБРАЗОВАНИЯ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В ЭРЗА-МОРДОВСКОМ ЯЗЫКЕ

Одним их самых важных свойств свойств суффиксов является их продуктивность. Суффикс продуктивен в том случае, если с его помощью можно образовать неограниченное количество новых слов и эти формы трансларентны, легко членимы, т. е. не представляет сложности выделить в них корень и суффикс. Продуктивность – категория во времени непостоянная, может меняться в историческом развитии языка. Опираясь на материал словарей трех минувших столетий, в данной статье рассмотрим продуктивность суффиксов *-лма*, *-лмо* эрза-мордовского языка.

1. В мордовском очень много таких суффиксов, которые когда-то были продуктивны, но в дальнейшем они вышли из употребления, исчезли из языка, и сегодня уже не выделяются среди суффиксов мордовского языка. Эти формы не трансларентны, их существование можно определить лишь путем этимологизации, в первую очередь, благодаря родственным языкам. Эти древние суффиксы ведут свое происхождение из разных эпох. Среди них выделяются суффиксы, возникшие в уральский / финно-угорский период, а также такие, которые появились в финно-пермской или финно-воложской общности, многие из них возникли уже в период самостоятельного существования мордовского языка. (О хронологических пластах мордовских суффиксов: [5, с. 42–60]).

Таков, например, суффикс *-в*. Этот суффикс обнаруживается в следующих словах: *умбрав* 'щавель' [ЭРВ, с. 694] ~ к.-зыр *отта.итга* < *FP *от(б)ра*) [UEW, с. 718; ЭТВ, с. 195; ЭСМЯ, с. 461]; *чичав* 'блоха' [ЭРВ, с. 751] ~ ф. диал. *sonkar(i)*, мар. *širšć*, хант. *šulš*, манс. *šoš* < *PFU *šopša* ~ с. 494]; *тевеляв* 'легкие' [ЭРВ, с. 651] ~ ф. (диал.) *tävu*, эст. *tävi*, удм. *tš*, к.-зыр. *tš*, венг. *tüdbö*, юкаг. *tšwäk* < *U *tšawe* [UEW, с. 519; SSA 3, с. 358; ЭТВ, с. 182; ЭСМЯ, с. 433]; *конткудав* 'муравей; мурашки' [ЭРВ, с. 298] ~ эст. *kuklane*, сев. саам. *got'ká*, мар. *kčikč*, *kutko*, к.-зыр *kot*, *köt* < *FP *kutke* [UEW, с. 678; MdKons, с. 68] и т.д.

Также древним, но распознаваемым в современном мордовском языке, является суффикс *-р(ь)*, ср. напр. *кенере* 'локоть' [ЭРВ, с. 253] ~ ф. *kuunpää*, эст. *küünar*, сев. саам. *gär'dnjel*, мар. *käner*, удм. *gär-pum*, к.-зыр *gär*, хант. *khdai*, венг. *könyök* < *FU *kiñä* [UEW, с. 158; SSA 1, с. 468; MdKons, с. 55]; *сеерыкс* 'стебель' [ЭРВ, с. 575] ~ ф. *säärä*, к.-зыр *člr* < *FP *čäje-r* [UEW, с. 612; SSA 3, с. 245; MdKons, с. 134]; *чеерь* 'мышь' [ЭРВ,

с. 743] ~ ф. *hiiri*, удм., к.-зыр. *šir*, хант. *löäkär*, манс. *tädkär*, венг. *egér* < *FU *šäje-re* [UEW, с. 500; SSA 1, с. 162; MdKons, с. 156]; *човар* 'ступа' [ЭРВ, с. 752] ~ ф. *huhmar*, эст. *uhmer*, мар. *šuer* < *FV *šuta-re* [UEW, с. 789; MdKons, с. 161].

Также распознаваем и некогда продуктивный *-л(ь)*: *сеель* 'еж' [ЭРВ, с. 575] ~ ф. *siili*, мар. *šülä*, манс. *soule*, венг. *sül* < *FU *šije-le* [UEW, с. 478; MdKons, с. 133]; *менель* 'небо' [ЭРВ, с. 376] ~ венг. *tenty* < *FU *miič* [UEW, с. 276]; *нумоло* 'заяц' [ЭРВ, с. 422] ~ сев. саам. *njoastmel*, к.-зыр. *niimal*, венг. *nyil*, юкаг. *ñäwa*, нган. *ñotti*, сельк. *ñjota* < *U *ñota (-l)* [UEW, с. 322; MdKons, с. 98]; *ковол* 'туша, шквал', опираясь на материал словарей трех минувших столетий. [ЭРВ, с. 273] ~ ф. *kutini*, к.-зыр *kčimtr*, манс. *хотхат*, венг. *hotáhy* < *FU *kut* [UEW, с. 204].

Похожий путь развития прошел и суффикс *-м*: *койме* 'лопата' [ЭРВ, с. 276] ~ ф. *kaiva-*, сев. саам. *goai'vo*, мар. *koe-*, ?юкаг. *šäwa* < *FP (?U) *kojwa-* [UEW, с. 170; MdKons, с. 63; ЭСМЯ, с. 155; ЭТВ, с. 75]; *пишеме* 'овес' [ЭРВ, с. 481] ~ к.-зыр. *rapoč*, *rapoč* < *FP *päič* [UEW, с. 726]; *стол-гано* 'столгано (особый вид женской нагрудной застежки)' [ЭРВ, с. 636] ~ ф. *solki*, сев. саам. *šulgit*, мар. *šolkata*, ?удм., к.-зыр. *šul* < *FV (?FP) *šolke* [UEW, с. 774; 3, с. 196; MdKons, с. 148; ЭСМЯ, с. 422; ЭТВ, с. 175]; *удем* 'мозг' [ЭРВ, с. 690] ~ ф. *udim*, сев. саам. *áđá*, мар. *vit*, удм. *vijim*, к.-зыр *vet*, хант. *welät*, манс. *wälät*, венг. *velő* < *PFU *wiš(-m)* [UEW, 572; 3, с. 488; MdKons, с. 179; ЭСМЯ, с. 457] и т.д.

2. Однако существуют и по сей день «живые», продуктивные суффиксы. Одним из таких суффиксов является *-иа, -ио, -ие*. При помощи данного суффикса, в первую очередь, образуются существительные с абстрактным значением. Он способен образовывать практически любые абстрактные (иногда конкретные) существительные, обладая при этом широким спектром семантических категорий. Например, *авардема* 'плач' < *аварде* 'плакать', *васодема* 'встреча' < *васоде* 'встретиться', *кулома* 'смерть' < *куло* 'умереть', *лысьма* 'колодец' < *лысе* 'выйти, взойти', *молема* 'хольба' < *моле* 'удти, двигаться', *нума* 'жатва' < *нуе* 'жать'; *изамо* 'борона' < *иза* 'бороновать', *морамо* 'пенне' < *мора* 'петь', *оришамо* 'одежда' < *ориа* 'одеться', *сокамо* 'пахота' < *сока* 'пахать', *эрямо* 'жизнь' < *эря* 'жить'; *ведьме* 'повод' < *ветя* 'вести', *видьме* 'семя' < *виде* 'сеять' и т.д. [11, с. 91–92; 2, с. 105–106; 6, с. 124–125; 17, с. 106].

Также очень продуктивен суффикс *-чи*, возникший из самостоятельного слова (со значением 'день'). Это явление – процесс грамматикализации – нередко встречается во многих языках: статус лексемы меняется, из самостоятельного слова превращается в какой-то суффикс. На сегодняшний день *-чи* – один из самых продуктивных суффиксов, при помощи которого образуются отвлеченные существительные. В качестве производя-

шего слова чаще всего выступает прилагательное (напр. *каштанчи* 'гордость' <*каштан* 'гордый', *парочи* 'доброта' <*паро* 'добрый', *шумбрачи* 'здоровье' <*шумбра* 'здоровый'), нередко и существительное (*эрямочи* 'жизнь' <*эрямо* 'то же', *вечкемачи* 'любовь' <*вечкема* 'то же'), реже другие части речи. На продуктивность суффикса *-чи* указывает и то, что он образует новые формы и от множества заимствованных слов русского происхождения (напр. *беднойчи*, *бойкачи*, *честнойчи*, *нужжачи*, *тупойчи*) [13, с. 51; 18, с. 209–211; 19, с. 71–85; 20, с. 235–239; 22, с. 334–339].

Весьма продуктивным суффиксом в эрзя-мордовском является *-кs*. В качестве производящей основы может выступать существительное, прилагательное, наречие или глагол, с разнообразными семантическими группами. Результатом отыменной производности могут являться существительные как с конкретным, так и с отвлеченным значением, напр.: *пилекs* 'сережка' <*пиле* 'ухо', *суркс* 'кольцо' <*сур* 'палец'; *вальмаилкс* 'место под окнами' < *вальма* 'окно', *потмакс* 'дно' <*потмо* 'нутро, внутренность'; *инзейкс* 'малина (куст)' < *инзей* 'малина (ягода)', *лемзеркс* 'черемуха (дерево или куст)' < *лемзер* 'черемуха (ягода)'; *вайгелькс* 'эхо' <*вайгель* 'голос', *менелькс* 'погода' <*менель* 'небо'; *валкс* 'словарь' <*вал* 'слово', *кикс* 'линия, черта' <*ки* 'дорога', *ямкс* 'пшено' < *ям* 'суп' [17, с. 106–107; 13, с. 35–41; 2, с. 104–105; 3, с. 106–107; 16, с. 95–97].

3. С продуктивностью часто связывается понятие 'частотность'. Продуктивность и частотность не случайно связаны между собой: на сегодняшний день один из уже непродуктивных суффиксов в определенном корпусе слов может встречаться часто, а ныне продуктивный суффикс – реже. В мордовском мы можем привести в качестве примера последнего суффикс *-ки*, который, в принципе, продуктивен (*аваки* 'самка' <*ава* 'женщина, мать', *атяки* 'петух' <*атя* 'старик', *пулаки* 'затылок' <*пуло* 'коса', *селмуки-т* (мн. ч.) 'очки' <*сельме* 'глаз'), но согласно показателям частотности, редок. Достаточно частотным, но ныне непродуктивным в эрзя-мордовском является суффикс *-ла*, образующий прилагательные: *ожсола* 'желтоватый' < *ожсо* 'желтый', *пужсела* 'зеленоватый' < *пужс* 'зеленый', *начкола* 'сыроватый' < *начко* 'сырой', *таштола* 'старенький' < *ташто* 'старый' [1, с. 80–84; 13, с. 52; 2, с. 113].

Можно сказать, что продуктивность и частотность в различные исторические эпохи могут быть тесно взаимосвязаны. На сегодня наиболее продуктивными и частотными являются суффиксы *-нь*, *-й* и *-в*, образующие прилагательные (интересно, что последний как суффикс прилагательного достаточно продуктивный и регулярный в современном эрзя-мордовском языке, тогда как в качестве суффикса, образующего существительные, утратил транспарентность, непродуктивен и редок). Таковыми являются и уменьшительные суффиксы *-ка*, *-ке*, *-не*, *-ине*. В «Обрат-

ном словаре мордовских языков» (ОСМЯ) суффикс *-иу* встречается у 2452 слов на диалекте эрзя (*-ма*: 1368, *-ме*: 25, *-мо*: 1059); число слов, содержащих суффикс *-вкс* – 1688, а суффикс *-чи* – 397. Следовательно, на сегодняшний день это самые частотные, и в то же время самые продуктивные суффиксы.

4. В дальнейшем мы проследим хронологическое изменение суффикса *-лма*, *-лмо* на основе письменных данных, памятников языка, словарей.

В научной литературе характеристика данного суффикса неоднозначна: его определяют и как отглагольный и/или отыменной суффикс для образования имен. Лазарь Оскар в своей книге о суффиксах для образования отвлеченных имен в уральских языках слова, образованные при помощи суффикса *-lma* / *-lmo*, называет формами „pseudo-derivatives“, т. е. в сложном суффиксе объединились глагольный суффикс *-l-* и именной суффикс *-ma* / *-mo* [18, с. 206]. Происхождение суффикса Д. В. Цыганкин объясняет сдвигом границ морфем. Первым шагом этого процесса было образование глаголов от прилагательных при помощи суффикса многократности глагольного действия *-l-*: *кува-ка* 'длинный' >*кувалгадо* 'удлинниться', *стака* 'тяжелый' >*стакаладо* 'отжелесть', *поки* 'большой' > *покиолгадо* 'вырасти, увеличиться', *тусто* 'густой' >*тустолгадо* 'загустеть', *эчке* 'толстый' >*эчкелгадо* 'толстеть'. Вслед за этим согласный *л* в позиции в конце корня объединился с суффиксами *-ma*, *-mo*, образуя новый суффикс: *кувал-мо* >*кува-лмо* 'длина', *стакма* 'тяжесть', *покиолма* 'размер, величина', *тустолма* 'густость', *эчкелма* 'толщина' [11, с. 92; 12, с. 332; 13, с. 42; 2, с. 106; 25, с. 37]. На основе примеров видно, что отвлеченные существительные при помощи данного суффикса возникали не только от прилагательных, но и от глаголов.

Первый мордовский памятник, который можно подвергнуть лексическому анализу, – это работа епископа Дамаскина, словарь, включенный в словарный запас народов Поволжья (1785). Этот материал содержит всего 11 тысяч словарных статей [Подробнее: Феоктистов, 1968: 58–77; 1971: 22–25]. Словарь содержит множество слов, которые можно считать новыми, искусственными формами. Это вполне понятно, ведь с укреплением российской государственной власти, с развитием общественной культуры жизни и экономики в языке возникает множество новых, отвлеченных понятий, которые должны быть названы. В данный период становится по настоящему продуктивным и по сей день самый частотный суффикс с абстрактным значением – суффикс *-ма*, *-мо*, *-ме*. На этот период приходится также образование множества слов с суффиксом *-лма*, *-лмо* [14, с. 72–73; 15, с. 224–225; 9, с. 109–110].

Основой для нашего краткого сравнительного анализа послужил корпус, созданный на базе четырех источников: словарь Дамаскина 1785 года, большой диалектный словарь Хейкки Паасонена (этот труд, содержащий более ста тысяч языковых данных, издавался в период между 1990-м и 1996-м годами, но сам финский ученый собирал данные на рубеже XIX–XX веков), а также на основе появившегося в 1993 году эрзянско-русского (27 тысяч словарных статей) и изданного в 2012 году русско-эрзянского словаря (30 тысяч словарных статей). Таким образом, нам удалось рассмотреть «срезы» изменения словарного состава с интервалом в столетие. Естественно, что этот анализ довольно односторонен, ведь нами описывается не действительное состояние языка, а зафиксированная в словарях лексика. Несмотря на односторонний анализ, тенденции развития все же можно четко распознать. Использование / неиспользование того или иного суффикса в некоторой степени зависит от моды, совершенно не случайно то, какими элементами пользуются составители словарей, вынужденные создавать новые слова.

4.1 В словаре Дамаскина встречаются следующие слова, образованные при помощи суффикса -лма, -лмо: *асатолмо* 'недостаток' [161] <а- + сато- 'хватать', саты 'хватит, достаточно'; *ачкельма*, *ачкелма* 'толстога' [287] <эчке 'толстый'; *васолма* 'далекость, дальность' [78], 'отдаление' [186] <васо- 'васоло 'дальний', *васолдо* 'издалека' и т.д.; *ювталмо* 'сказка' [259] <евта- 'сказать'; *кувалмо* 'длина' [82], 'долгота' [84] <кува-³; *мазылма* 'красота' [126], *мазолма* 'прелесть' [221] <мазы 'красивый'; *паролма* 'доброта' [82] <паро 'хороший'; *нижселма* 'зелень' [104] <ниже 'зеленый'; *покиолма* 'великость' [50], 'величество' [50], 'начальство' [158], 'величина' [223] <поки 'большой'; *псилма* 'горячесть' [75] <пси 'горячий, жаркий'; *пицилма* 'острота' [184] <пшти 'острый'; *сатьмелма* 'утоление' [301] <сэтьме 'тихий, безмолвный, смиренный'; *сядулма* 'зависть' [96] <сядово- 'завидовать'; *сталмо* 'тяжесть' [292], 'трудность' [290], 'игро' [108], 'обременение' [175] <стака 'тяжелый'; *стувнулма* 'забвение' [96] <стувто- 'забыть'; *сюдолма* 'брань' <сюдо- 'проклясть, поругать'; *томбалмо* 'глубина' [73] <томба- 'тобака 'глубокий'; *тусполма* 'густость' [78] <тусто 'густой'; *чаволма*, *чаволма* 'тщета' [291], *чавулма* 'позорнь' [213] <чаво 'пустой; порожний'; *шондылма* 'легкость' [132] <шонжда 'легкий'.

4.2 В словаре Паасонена появляются следующие слова с суффиксом -лма, -лмо: *кувалмо* 'длина, протяжение, рост' [MdWb, с. 985]; *покиолма* 'величина' [1728]; *сталмо* 'вес; тяжесть; тягость' [2026]; *човильма* 'тон-

кость, толщина' [285] <чова 'тонкий'; *чоздалма* 'облегчение, смягчение; легкость' [293] <шонжда 'легкий'; *чудильма* 'волосток' [296] <чуде- 'течь'; *экиельме* 'купание' [359] <экие 'холодноватый, прохладный'; *эчкелма* 'толщина' [3509] <эчке 'толстый'.

4.3 В большом эрзянско-русском словаре фигурируют следующие слова с суффиксом -лма, -лмо: *кувалмо* 'длина' [ЭРВ, с. 307]; *мазолма* 'прелесть' [357]; *покиолма* 'величина' [494]; *сталмо* 'вес; тяжесть' [613]; *эчкелма* 'толщина, объем' [791].

4.4 Кроме бросающегося в глаза количественного различия, одной значной тенденции, рассмотрим еще и то, какие формы появляются в современных словарях вместо используемых ранее форм с суффиксом -лма, -лмо.

асатолмо 'недостаток' – *асатовкс*, *асатыкс* 'недостаток' [ЭРВ, с. 60], *асатома*, *асатыке* [РЭВ, с. 336];

васолма 'дальность и т.д.' – *васолксчи* 'дальность' [ЭРВ, с. 111], *васолочи* 'дальность' [РЭВ, с. 110];

ювталмо 'сказка' [259] – *евтамо*, *евтнема* 'рассказ; сообщение' [ЭРВ, с. 179–180], *евкс* 'сказка' [РЭВ, с. 513], *евтнема* 'рассказ' [РЭВ, с. 480], *евтамо* 'сообщение' [РЭВ, с. 533];

кувалмо 'длина и т.д.' – *кувалмо* 'длина' [ЭРВ, с. 307];

мазылма, *мазолма* 'красота, прелесть' – *мазолма* 'прелесть' [ЭРВ, с. 357], *мазый*, *мазыйчи*, *мазычи* 'красота; прелесть' [ЭРВ, с. 357–358], *мазыйчи*, *мазычи* 'красота' [РЭВ, с. 235];

паролма 'доброта' – *паро* 'добро' [ЭРВ, с. 458];

нижселма 'зелень' – *ниже* 'зелень' [ЭРВ, с. 477; РЭВ, с. 172];

покиолма 'величина и т.д.' – *покиолма* 'величина' [ЭРВ, с. 494], *покиичи*, *покиолма* 'величина' [РЭВ, с. 61];

псилма 'горячесть' – *пси* 'жара' [ЭРВ, с. 523], *пиксема* 'горячесть' [РЭВ, с. 106], *пси* 'жара' [РЭВ, с. 134];

пицилма 'острота' – *пштичи* 'острота' [ЭРВ, с. 531], *пшти* 'острота' [РЭВ, с. 381];

сатьмелма 'утоление' – *сэтьмечи* 'спокойствие; тишина' [ЭРВ, с. 634], *сэтьме*, *сэтьмечи* 'тишина' [РЭВ, с. 561], *сэтьмечи* 'спокойствие' [РЭВ, с. 539];

сталмо 'тяжесть и т.д.' – *сталмо* 'вес; тяжесть' [ЭРВ, с. 613], 'тяжесть' [РЭВ, с. 571], 'вес' [РЭВ, с. 63];

стувнулма 'забвение' – *стувтома* 'забывчивость' [ЭРВ, с. 620], *стувтнемачи* 'забывчивость' [REV, с. 140];

сюдолма 'брань' – *сюдома* 'проклятие' [ЭРВ, с. 635; РЭВ, с. 448];

сядулма 'зависть' – *сявадома* 'зависть' [ЭРВ, с. 637; РЭВ, с. 142];

томбалмо 'глубина' – *томка*, *домкачи* 'глубина' [РЭВ, с. 101];

¹ Образованные слова представлены нами в форме, в которой они появляются и в словаре Дамаскина, но с сегодешним корнем и значением на основе большого эрзянско-русского словаря (ERV).

² Возможно тут исходная форма *васоло*, в этом случае слово дополняется суффиксом -ма.

³ *Кувака* 'длинный', *кувалма* 'по, вдоль, о; из-за', *кувалит* 'вдоль, по; из-за, о', *кувать* 'долго, надолго'.

тустолма 'густость' [78] — *тустолма* 'пустота' [РЭВ, с. 109];
чаволмо, чаволма 'тщета; порознь' [213] — *чавочи* 'пустота' [РЭВ, с. 454];

човильма 'тонкость, толщина' — *човалмо* [РЭВ, с. 563];
шождылма, чождалма 'легкость и т.д.' — *шождачи* [РЭВ, с. 251];
чудильма 'волосток' — *чудема* 'течение', *чудевк* 'русло; течение' [ЭРВ, с. 757]; *чудема* 'течение' [РЭВ, с. 560];
экишьяме 'купание' — *экишьямо* 'купание' [ЭРВ, с. 777], 'купание' [РЭВ, с. 243];

эчкелма, ачкел(ь)ма 'толгота, толщина' — *эчкелма* 'толщина, объем' [ЭРВ, с. 791], *эчке, эчкечи, эчкелма* 'толщина' [РЭВ, с. 562].

На основе списков слов можно сделать следующий вывод. Из фигурирующих в старых словарях 23 слов 7 до сих пор сохранили дериват с суффиксом *-лма, -лмо* (*кувалмо, мазолма, покиолма, сталмо, тустолма, човалмо, эчкелма*). В большинстве случаев на месте старого суффикса сегодня используется новый, «популярный» суффикс *-чи* (*васолксчи, васолчи, домкаччи, мазы(й)чи, покиччи, питиччи, стувтнемаччи, сэтъмечи, чавочи, шождачи, эчкечи*). Также популярны и два других суффикса для образования отвлеченных существительных: *-ма, -мо* (*асатома, евтамо, евтнема, тиксема, стувтома, студома, сьвадома, чудема, экишьямо*) и суффикс *-(в)ке* (*асатовк, асатык, васолк, евкс, чудевк*). В мордовском существительные и прилагательные по форме часто не отличаются друг от друга, исходя из этого, сама форма прилагательного выражает значение отвлеченного существительного (*мазый, паро, тижсе, пси, питти, сэтъме, томка, эчке*).

На основе такого небольшого корпуса слов, естественно, невозможно сделать далеко идущие выводы (нельзя также забывать и о том, что эти данные не в обязательном порядке отражают действительное использование языка, кроме этого указывают во многих случаях на своеобразные моменты развития данного суффикса за последние 200 лет наглядно вырисовывается: суффикс не укоренился в диалекте эрзя, вместо него приживаются другие суффиксы для образования отвлеченного существительного. Развитие данного суффикса прямо противоположно развитию суффикса *-чи*, который едва встречается в словаре Дамаскина (*беднойчи, кудочи, парочи, стюавчи, шумбрачи*), однако на сегодняшний день он стал одним из самых распространенных суффиксов для образования имен.

М. В. Мосин, однако, считает возможным «возрождение» данного суффикса, по аналогии с *кувалмо* и *сталмо* он может образовывать имена существительные от прилагательных: *ашола* 'беловатый' > *ашолма* 'бель, белизна', *вейкет* 'ровный, ровно' > *вейкелма* 'равнина', *коськела* 'сухова-

тый' > *коськелма* 'твердь', *ине* 'великий' > *инелма* 'известность, слава', *ожола* 'желтоватый' > *ожолма* 'желтизна', *тижела* 'зеленоватый' > *тижелма* 'зелень', *покиола* 'большеватый' > *покиолма* 'величина, сэтъме 'тихий' > *сэтъмелма* 'мир'. Среди данных лексем *инелма* и *коськелма* уже встречаются в библейских переводах. По этой же схеме возможно образование отглагольных имен: *кирде* > *кирделма* 'поддержка', *невте* > *невтелма* 'спектакль', *чачо* > *чачолма* 'урожай', *чачто* > *чачтолма* 'рождаемость'. Значит, можно надеяться на то, что данный суффикс еще «воскреснет».

Сокращения

венг. — венгерский язык, диал. — диалектный, к.-зыр. — коми-зырянский язык, м. — мокшанский язык, манс. — мансийский язык, мар. — марийский язык, нган. — нганасанский язык, сев. саам. — северный саамский язык, селк. — селькупский язык, удм. — удмуртский язык, ф. — финский язык, ханг. — хантыйский язык, эрз. — эрзянский язык, эст. — эстонский язык, юкаг. — юкагирский язык.

Литература

1. Баюшкин, Н. С. Ограничительные суффиксы прилагательных в мордовских языках / Н. С. Баюшкин // Вопросы морфологии эрзянских и мокшанских диалектов (словоизменение и словообразование). — Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1977. — С. 75–86.
2. Грамматика мордовских языков / под ред. Д. В. Цыганкина. — Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1980. — 280 с.
3. Гребнева, А. М. Суффиксы *-кы, -кай/-гай* как продуктивные элементы в образовании фитонимов в мордовских языках / А. М. Гребнева // СИФУ-VII/3С. — DeBressen, 1990. — С. 106–111.
4. Дамаскин, Д. Словарь языков разных народов в Нижегородской епархии обитающих, именно россиян, татар, чувашей, мордвы и черемис / Д. Дамаскин. — 106 с.
5. Мосин, М. В. Словообразовательная структура финно-угорского слова в мордовских языках / М. В. Мосин. — Саранск: Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева, 1989. — 264 с.
6. Мосин, М. В. Варьирование словообразовательных суффиксов в эрзянском языке / М. В. Мосин // СИФУ VIII/5. — Juväskylä, 1996. — С. 124–126.
7. Мосин, М. В. Эрзянь келень лексиканть пештема лисьмапрязо / М. В. Мосин // Словообразовательная архитектоника в волжско-финских языках. — Саранск: Крас. Окт., 1999. — С. 79–83.
8. Мосин, М. В. О некоторых явлениях в финно-угорской основе слова в мордовских языках / М. В. Мосин // Финно-угристикань кевкстематне. — Саранск: Крас. Окт., 2001. — С. 90–94.
9. Назарова, О. Г. Способы словообразования в эрзянских письменных памятниках Нижегородского цикла / О. Г. Назарова // Словообразовательная архитектоника в волжско-финских языках. — Саранск: Крас. Окт., 1999. — С. 108–111.
10. Феоктистов, А. П. Русско-мордовский словарь. Из истории отечественной лексикографии / А. П. Феоктистов. — Москва: Наука, 1971.
11. Цыганкин, Д. В. Суффиксальное словообразование имен существительных в диалектах эрзянского языка / Д. В. Цыганкин // Fenno-Ugristica 3. — Tartu, 1976. — С. 86–106.
12. Цыганкин, Д. В. Морфология имени существительного в диалектах эрзянско-мордовского языка (словоизменение и словообразование): дис. ...д-ра филол. наук / Цыганкин Дмитрий Васильевич. — Саранск, 1977. — 384 с.

13. Цыганкин, Д. В. Словообразование в мордовских языках : учеб. пособие для студентов нац. отд-ний вузов / Д. В. Цыганкин / Мордов. ун-т. – Саранск, 1981. – 80 с.
14. Шеннова, Т. М. Формирование лексики мордовских языков. История лексики. Языковые контакты : учеб. пособие / Т. М. Шеннова ; Мордов. ун-т. – Саранск, 1989. – 180 с.
15. Шеннова, Т. М. К истории номинации абстрактных понятий (существительных) в мордовских языках / Т. М. Шеннова // Материалы VI Международного конгресса финно-угроведов 2. – Москва : Наука, 1990. – С. 224–226.
16. Якушкина, Н. В. Продуктивность финно-угорского суффикса -кс в эрзянском и финском языках / Н. В. Якушкина // IX Научная конференция молодых ученых, аспирантов и студентов. – Саранск, 2004. – С. 94–98.
17. Bartens, R. Mordvalaiskielten rakenne ja kehitys // MSFOu 232. – Helsinki, 1999.
18. Lazar, O. The Formation of Abstract Nouns in the Uralic Languages. Acta Universitatis Upsalensis 10. – Uppsala, 1975.
19. Matiesák S. A képzővé válás kora a mordvinban // FUD 12. – Debrecen, 2005. – 69–86.
20. Mészáros E. Az erza-mordvin -ei képzős absztrakt főnevek // NéNy 38. – Szeged, 1997. – 229–241.
21. Saarina, S. Словообразовательная архитектура в волжских языках: диахронная перспектива / S. Saarina // Словообразовательная архитектура в волжско-финских языках. – Саранск : Крас. Окт., 1999. – С. 3–6.
22. Saarina, S. Mordvalainen abstraktisubstantiivien johdin // Csepregi Márta – Várady Eszter (szerk.), Permiék, finneek, magyarok. Írások Szij Enikő 60. születesnapjára. Uralisztatikatanulmányok 14. – Budapest, 2004. – С. 334–341.
23. Luutonen, Jorma, Mosin, Mikhail, Shchankina, Valentina. Reverse Dictionary of Mordvin. Обратный словарь мордовских языков. Lexika Societatis Fenno-Ugricae XXIX. Suomalais-ugrilainen Seura. – Helsinki, 2004.
24. РЭВ = Русско-эрзянский словарь. Рузюнь-эрзянь валкс / редкол.: М. В. Мосин (отв. ред.) [и др.]. – Саранск : Крас. Окт., 2012. – 624 с.
25. ЭК = Эрзянь кель. Морфемика, валонь теевема ды морфология / редкол.: Д. В. Цыганкин (отв. ред.) [и др.]. – Саранск : Крас. Окт., 2000. – 280 с.
26. ЭРВ = Эрзянь-рузюнь валкс. Эрзянско-русский словарь / под ред. Б. А. Серебряникова, Р. Н. Бузаковой, М. В. Мосина. – М. : Русский язык, Дигора, 1993. – 803 с.
27. ЭСМЯ = Эршинин, В. И. Этимологический словарь мордовских (эрзянского и мокшанского) языков. В 4 т. Т. I–IV / В. И. Эршинин. – Йошкар-Ола : Стринт, 2004–2009.
28. ЭВ = Цыганкин Д. В. Этимология валкс / Д. В. Цыганкин, М. В. Мосин. – Саранск : Мордов. кн. изд-ва, 1998. – 234 с.
29. MdKons = Keresztes L. Geschichte des mordwinischen Konsonantismus II. Etymologisches Belegmaterial. Studia uralo-altaica 26. – Szeged, 1986.
30. MdWb = Paasonen H. Mordwinisches Wörterbuch. Zusammengestellt von K. Heikkilä. Bearbeitet und herausgegeben von Martti Kahla. Lexica Societatis Fenno-Ugricae XXIII. Suomalais-ugrilainen Seura. – Helsinki, 1990–1996.
31. SSA = Erkki Ikonen – Ulla-Maija Kulonen (toim.) 1992–2000: Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja I–III. Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia 556, Kotimaisten tutkimuskeskuksen julkaisu 62. Kotimaisten kielten tutkimuskeskus – Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, Helsinki.
32. UEW = Rédei K. Uralisches etymologisches Wörterbuch / szerk. Rédei Károly. – Bp.: Akadémiai Kiadó, 1988–1991.

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ПОВЕСТИ КУЗЬМЫ АБРАМОВА «ПОЛЬНЯ – ГОРЬКАЯ ТРАВА»

В языкознании нет единого мнения о том, что такое фразеологизм. Существует несколько определений этого понятия. Одни ученые относят к фразеологизмам все устойчивые сочетания слов, другие выделяют лишь определенную группу. Некоторые рассматривают как фразеологизмы по словищу, поговорки, афоризмы и крылатые выражения. Кроме того, ученые выделяют и критерии определения фразеологизма в русском языке – это устойчивость, целостность значения, возможность структурных вариантов, воспроизводимость, нереводимость на другие языки. В целом к фразеологизмам относят устойчивые сочетания лексем, воспроизводимых в готовом виде, обладающих относительно целостным значением и экспрессивностью [3, с. 3].

Любой фразеологизм обладает своей собственной внутренней формой и фразеологическим значением. По мнению А. М. Мелеревич, внутренняя форма фразеологизма – это «смысловое содержание, объективное в материальной форме языкового знака (фразеологизма) по отношению к его определенному актуальному значению, с которым у него устанавливается деривационная связь» [3, с. 25].

Форма фразеологизма охватывает несколько его сторон: состав компонентов, входящих в него, границы фразеологизма, варианты компонентов, факультативные компоненты и структуру. Как правило, фразеологизмы русского языка состоят из двух и более слов. Но стоит учитывать и то, что компоненты фразеологизма могут быть разорваны на части контекстом. Границы фразеологизма определяются всеми компонентами, образующими его. В границы фразеологизма могут попадать слова, которые и не являются его компонентами, а лишь связаны с ним синтаксически.

Каждый компонент фразеологизма может также и варьироваться. Варьирование может происходить по форме компонентов (казанская (казанский) сирота), по составу компонентов (душа (сердце) не лежит), по составу и форме одновременно (что есть силы (мочи), во всю силу (мочь)). Кроме того, фразеологизмы могут употребляться как в полном, так и не в полном составе, то есть некоторые компоненты могут опускаться (грешать по <всем> швам). Что касается структуры фразеологизмов, то в основном они сохраняют синтаксическую модель того словосочетания, от